

ОТДѢЛЪ II.

I. КРИТИКА.

Ph. Meyer. *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster* grösstentheils zum ersten Male herausgegeben und mit Einleitungen versehen von Ph. Meyer, Studiendirector des Predigerseminars auf der Erichsburg. Leipzig. 1894. I—VIII + 1—303.

На страницахъ «Византійскаго Временника» мы имѣли уже случай отмѣтить, весьма замѣтно усилившійся, интересъ къ изученію современнаго монашества на св. горѣ Аѳонской и его историческаго прошлаго не только въ средѣ ученыхъ грековъ и русскихъ, но даже нѣмцевъ и французовъ. Книга г. Филиппа Мейера, полное заглавіе которой мы выписали выше, является несомнѣннымъ доказательствомъ существованія въ средѣ этихъ послѣднихъ указаннаго интереса. Авторъ названной книги, увлекшійся въ послѣднее время изученіемъ источниковъ византійской исторіи, въ бытность свою пасторомъ протестанской общины въ Смирнѣ (въ Турціи), двукратно посѣтилъ Аѳонскую гору, заинтересовался историческимъ прошлымъ святогорскаго иночества и постарался, на сколько это было для него возможно, изучить «главнѣйшіе документы», относящіеся къ этому любопытному прошлому, разыскивая эти «документы» въ многочисленныхъ книгохранилищахъ Аѳона. Причину своего интереса къ аѳонскому монашеству г. Мейеръ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что «Аѳонъ со временъ Комниновъ считается стражемъ греческаго монашества. Правда, говоритъ авторъ, были также и другія монастырскія общины, каковы на горѣ Латросѣ въ Милетѣ, Олимпѣ въ Малой Азій, Ганѣ на Пропонтидѣ (der Ganos an der Propontis), существующіе доселѣ монастыри метеорскіе въ Фессаліи; но по большей части монастыри стоятъ особнякомъ, и если многіе изъ нихъ, какъ, напр., Сумела близъ Трапезунта, св. Іоанна Богослова на Патмосѣ, святогробскій монастырь (?) св. Саввы и знаменитый Синайскій пользовались большимъ вліяніемъ, то монастырскія общины стояли

все же далеко выше ихъ. Но изъ нихъ, кромѣ Аѳона и Метеора, всѣ снесены на половину бурями времени. Послѣдніе никогда не имѣли обширнаго значенія. Итакъ, остается только община 20 аѳонскихъ монастырей, которая имѣла громадное вліяніе на греческую монашескую жизнь; ея православіе лишь изрѣдка омрачалось (?); она выработала въ отшельничествѣ мистику до высшей степени; *она создала въ идіоритмѣ новую форму монашеской жизни*; она сохранила всѣ другія формы ея — киновіальную, келліотскую, скитскую и отшельническую (*der Eremiten*). Ея богослужебный уставъ слыветъ за совершенство. Такимъ образомъ, исторія аѳонскихъ монастырей можетъ служить примѣромъ въ исторіи греческаго монашества вообще, и сама считается образцомъ. Тотъ, кто знаетъ исторію монастырей Святой горы, знаетъ исторію греческаго монашества въ его *совершеннѣйшей формѣ*» (5. 3—4). Къ сожалѣнію, авторъ «совершеннѣйшею формою» святогорскаго монашества считаетъ «новую форму иноческой жизни — *идіоритмѣ*», которую и превозноситъ восторженными похвалами, характеризуя, въ противовѣсъ ей, весьма не симпатичными чертами «старый идеалъ» греческаго восточнаго монашества, такъ какъ этимъ идеаломъ требовалось будто-бы лишь «выполнять заповѣди Христа «внѣ свѣта», посредствомъ отреченія отъ всѣхъ натуральныхъ и этическихъ общинныхъ формъ со всѣми ихъ отношеніями». «Всякая нравственная дѣятельность (*alle sittliche Bethätigung*) для греческаго инока, разсуждаетъ г. Мейеръ, принадлежитъ «свѣту»; одно религіозное, съ исключеніемъ моральнаго, должно наполнять его жизнь. Онъ хочетъ жить аскетизмомъ, мистику, въ неземномъ; быть соединеннымъ съ Божіимъ естествомъ и посредствомъ этого приобщиться уже на землѣ вѣчной жизни» (S. 1). Приговоренное «къ неизмѣнности» въ своемъ стремленіи къ указанному идеалу, осуществляя который православная церковь не только не препятствуетъ, такъ какъ она, по словамъ г. Мейера, не знаетъ «никакого другого идеала», но даже всячески поощряетъ, восточное монашество для большаго униженія противопоставляется монашеству западному, которое, по словамъ автора, преслѣдуетъ «задачи культуры въ обширнѣйшемъ смыслѣ» (тамъ же). Крайне несимпатичный и совершенно непонятный автору-протестанту идеалъ православнаго иночества глубоко печалитъ его, и онъ, навѣрное, отказался бы совершенно отъ изученія его прошлаго и настоящаго, если бы въ исторіи этого монашества онъ не встрѣтилъ для себя симпатичнаго явленія, заключающагося въ стремленіи аѳонскихъ греческихъ иноковъ къ идіоритму, которое началось на Аѳонѣ съ 1400 года. Нашего автора ни мало не смущаетъ то хорошо извѣстное ему обстоятельство, что восточная «церковь, вѣрная своимъ преданіямъ, выступаетъ рѣзко противъ идіоритмическихъ монастырей» (S. 2), которые, и по его сознанию, «грѣшили многократно упадкомъ иноческой жизни» вообще, способствовали «упадку общинной жизни» въ частности, открывали доступъ въ нихъ личному имущественному владѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ «роскоши и свѣтской жизни»

(S. 2—3). Г. Мейеръ не отрицаетъ всѣхъ указанныхъ аномальныхъ явленій въ иночествѣ идиоритмовъ, но въ защиту «этой совершеннѣйшей формы иноческой жизни» онъ дѣлаетъ оговорку, что всѣ указанные недостатки — явленія неизбѣжныя въ переходное время отъ одного порядка къ другому, отъ суровой дисциплины къ полной свободѣ, когда «монахи не были еще подготовлены, чтобы усвоить и переработать нравственно высшую ступень» (S. 3), и къ тому же они съ избыткомъ вознаграждаются неизвѣстными прежнему идеалу восточнаго монашества весьма симпатичными явленіями. «Вмѣстѣ съ имуществомъ, по словамъ Мейера, вступаетъ въ монастырь нравственная жизнь «свѣта», «культура». «Владѣющій имуществомъ не только въ интересахъ монастыря, какъ было доселѣ, но и по своимъ собственнымъ вступаетъ въ сношенія «съ внѣшнимъ міромъ». Въ монастыри-идиоритмы проникаетъ «интересъ къ образованію и знанію, къ задачамъ культуры, къ національности» (S. 2). Въ главнѣйшихъ представителяхъ этой новой системы монашества на Аѳонѣ, какъ напр., въ Лаврѣ, Ватопедѣ и Иверѣ г. Мейеръ наблюдалъ, во время своего путешествія по Аѳону, что «тамъ монахи суть личности, тамъ интересуются знаніемъ, тамъ занимаются отечественною политикою, тамъ встрѣчается деликатное полное достоинства обхожденіе» (S. 3), и вообще нынѣ монастыри идиоритмовъ будто-бы «отличаются высокимъ нравственнымъ отпечаткомъ» (Edend.). Въ своемъ увлеченіи идиоритмами, какъ «новою и совершеннѣйшею формою монашеской жизни», авторъ доходитъ до того, что начинаетъ вѣрить, что рано или поздно греческій народъ «въ лучшихъ своихъ силахъ» выведетъ восточную православную церковь изъ «пассивности» и «отстраненія отъ свѣта», и даже увѣряетъ, что она «въ сущности какъ бы находится на пути» уже къ этому. «Тогда идиоритмическіе монастыри займутъ мѣсто въ церкви и жизни народа» (S. 3) то самое, какое имъ принадлежитъ по праву. «Вотъ какія мысли, на сколько онѣ относятся къ монашеству, руководили авторомъ въ его работѣ». (Ebend.). Съ точки зрѣнія этихъ мыслей и всю исторію аѳонскаго монашества г. Мейеръ подѣлилъ на два періода — *киновіальный* и *идиоритмій*.

Мы нарочито сдѣлали довольно подробный анализъ предисловія разбираемой нами книги г. Мейера, чтобы познакомить нашихъ читателей съ тѣми «мыслями» и «надеждами», съ которыми онъ приступилъ къ изученію историческаго прошлаго святогорскаго монашества и «главныхъ документовъ» для него. Изъ этого анализа видно, что авторъ, во-первыхъ, совершенно не понимаетъ идеала восточнаго монашества, а во-вторыхъ, въ сужденіяхъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ этомъ монашествѣ онъ довольствуется своими личными *случайными* впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства лишь съ весьма немногими монастырями Аѳонской горы. По откровенному признанію автора, онъ знаетъ аѳонскіе монастыри: Лавру, Ватопедъ и Иверъ (S. 3); для ученыхъ разысканій онъ посѣтилъ Троицкую келію близъ Карей (S. 273) и Ксиропотамскій мо-

настырь (S. 278), т. е. лишь нѣкоторые аѳонскіе монастыри и при томъ всѣ съ внутреннимъ устройствомъ по излюбленной имъ системѣ *идіоритма*. Изъ книги мы не видимъ, чтобы г. Мейеръ заглянулъ хотя бы въ одинъ аѳонскій монастырь съ инымъ устройствомъ — по системѣ *киновіатской*, которая такъ не нравится ему. Не удивительно поэтому, что въ его сужденіи о современныхъ аѳонскихъ идіоритмахъ много субъективнаго, пристрастнаго и односторонняго.

И въ киновіальныхъ святогорскихъ монастыряхъ, какъ мы знаемъ, встрѣчаются личности, интересующіяся «знаніемъ» и не безъизвѣстныя даже въ литературѣ (см. нашу книгу: «Русскіе на Аѳонѣ Спб. 1895 г. стр. 326 — 331; Ср. Исторію Аѳона пр. Порфирія ч. III, стр. 528—534, Спб. 1892 г.). Монахи этихъ монастырей внимательны, вѣжливы и предупредительны въ обхожденіи съ посѣтителями ихъ обителей и служатъ послѣднимъ безкорыстно, не зная себѣ покоя ни днемъ ни ночью, единственно ради подвига послушанія. Архондаричный идіоритмовъ и его помощникъ безъ «бакшиша» весьма скупы на угощеніе, и не особенно радужны въ приѣмѣ посѣтителей. Кто посѣщалъ св. Аѳонскую гору съ цѣлями научными, тотъ хорошо знаетъ, что несравненно легче и скорѣе можно получить доступъ для занятій въ библіотекахъ киновіальныхъ монастырей, чѣмъ идіоритмовъ, гдѣ библіотечный ключъ находится въ безконтрольномъ распоряженіи библіотекаря, весьма часто по своимъ дѣламъ и по разнымъ предлогамъ отсутствующаго изъ монастыря. Что касается интереса къ «національной политикѣ», то онъ въ одинаковой мѣрѣ присущъ и тѣмъ и другимъ монастырямъ. Доказательствомъ этого можетъ служить глава разбираемой нами книги подъ заглавіемъ: «Der Kampf der Nationalitäten auf dem Athos» (S. 88—99), въ которой дѣйствующими лицами являются представители тѣхъ и другихъ монастырей. При отсутствіи интереса къ «національной политикѣ», не могло бы быть тѣхъ печальныхъ явленій, какія видѣла у себя св. Аѳонская гора, и о какихъ кратко лишь повѣствуетъ указанная глава настоящей книги. Аттестуя нравственную жизнь иноковъ монастырей-идіоритмовъ нашего времени превосходными похвалами, г. Мейеръ самъ говоритъ, что эти монастыри въ прежнее время грѣшили «многочратно упадкомъ иноческой жизни», что въ нихъ проникала страсть «къ роскоши и свѣтской жизни», необходимыми спутниками которой являются чуждые истинному монашеству пороки — корыстолюбіе, подкупы, неправда и тяжкія обиды невинныхъ бѣдняковъ. Напрасно г. Мейеръ не присмотрѣлся повнимательнѣе къ повседневной сибаритской жизни нынѣшнихъ проэстосовъ аѳонскихъ идіоритмовъ, услаждаемой юными безбородыми докимами, къ комфортабельной обстановкѣ ихъ келлій. Напрасно онъ не заглянулъ въ кинотскія рѣшенія, направлявшіяся неоднократно къ устраненію всѣми хорошо сознаваемого зла и всякій разъ безуспѣшно, это къ удаленію съ Аѳона безбородыхъ юношей, свѣтскихъ купцовъ и т. п. прежде чѣмъ рѣшился аттестовать, что монастыри идіоритмовъ нынѣ «отличаются вы-

сокимъ нравственнымъ отпечаткомъ». А какъ и чѣмъ объяснить авторъ тотъ знаменательный фактъ въ жизни святогорскаго иночества, что киновіи, бѣдно обеспеченныя въ матеріальномъ отношеніи, процвѣтають на Аѳонѣ, даже изъ пепла возраждаются (напр., Симоно-Петрскій монастырь), тогда какъ богатые и знаменитые монастыри-идіоритмы приходятъ въ запущеніе и ветхость (напр., Хиландарь), а иногда бываютъ близки къ закрытію (какъ напр. въ недавнее время патріаршій Ставро-Никитскій монастырь)? Все это факты, надъ которыми нелишне поразмыслить восторженному поклоннику аѳонскихъ монастырей-идіоритмовъ...

Вся книга, кромѣ предисловія, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Содержаніе перваго, можно сказать, вводнаго отдѣла составляютъ только три главы общаго характера. Въ первой главѣ авторъ группируетъ правила иноческой жизни св. Василя Великаго, котораго онъ считаетъ «основателемъ греческаго монашества въ киновіатской формѣ» (S. 6); во второй обозрѣваетъ законодательство относительно монашества византійскаго императора Юстиніана I, признаваемаго за «киновіальною формою» его государственное значеніе (S. 11), нисколько не касаясь, за исключеніемъ постановленій императора Льва Мудраго (886—911), позднѣйшаго законодательства относительно того же предмета и ограничиваясь однимъ простымъ заявленіемъ, что «законодательство позднѣйшихъ императоровъ не отступало отъ путей Юстиніана» (S. 14), и въ третьей выясняетъ «значеніе Студійскаго монастыря для греческаго монашества въ средніе вѣка» (S. 15). Наибольшій интересъ для читателя представляетъ эта послѣдняя третья глава, въ которой авторъ знакомитъ съ историческою судьбою студійскаго устава на востокѣ¹⁾ и даже въ предѣлахъ нашего отечества. Правда, новаго и оригинальнаго въ этой главѣ ничего нѣтъ, авторъ повторяетъ большею частію вещи знакомыя. Онъ говоритъ, напр., что Θεόδωρος Στουδίτης разработалъ правила киновіальной монашеской жизни до мелочей (тамъ же), его «*Διαθήκη*» считаетъ онъ совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ, а «*ὑποτύπωσις*» лишь «съ большею вѣроятностію» приписываетъ сему отцу и то только въ его «основѣ» (in ihrer Grundlage) (S. 16), утверждаетъ, что св. Аѳанасій Аѳонскій первый(?) воспользовался правилами пр. Θεοδώρα Στουδίτη въ своемъ «*ὑποτύπωσις*» и даже въ «*Ἐπιχὸν ἤτοι Κληρικόν*» и т. п. Новою и оригинальною можно считать лишь его мысль о томъ, что правила пр. Аѳанасія Аѳонскаго «сдѣлались мѣриломъ для другихъ аѳонскихъ монастырей вообще» (тамъ же), но согласиться съ этою мыслию едвали возможно, такъ какъ данныхъ у насъ для такого утвержденія не имѣется. Мы лично, напротивъ, имѣемъ

1) Напрасно г. Мейеръ включаетъ въ число лицъ, которымъ хорошо былъ извѣстенъ студійскій уставъ, и св. Христодула основателя Іоанно-Богословскаго монастыря на Патмосѣ (S. 18), такъ какъ послѣдній въ своемъ «*ὑποτύπωσις*» всюду говоритъ объ *ιερουσαλιμскомъ уставѣ* и ничѣмъ не даетъ знать, что ему была извѣстна хорошо и практика Студійскаго монастыря. Miklos, et Müll. Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis. Vindob. 1890. t. III, pag. 71, 88.

нѣкоторыя основанія думать, что, напр., въ Хиландарскомъ аеонскомъ монастырѣ въ богослужебной и монастырской практикѣ пользовались своимъ уставомъ, который далъ ему его основатель Савва Сербскій, позаимствовавъ его изъ константинопольскаго Евергетидскаго монастыря¹⁾. Существуютъ нѣкоторыя и другія данныя, на основаніи которыхъ можно полагать, что правила пр. Аѳанасія Аѳонскаго въ аѳонскихъ монастыряхъ, кромѣ лавры, не имѣли значенія; они руководились своими особыми самостоятельными уставами. Можно, пожалуй, допустить, что названныя правила имѣли практическое значеніе въ Иверѣ, какъ монастырѣ, который находился въ постоянномъ и живомъ духовномъ общеніи съ лаврою пр. Аѳанасія Аѳонскаго.

Доказывая зависимость «Ἐποτύπωσις» пр. Аѳанасія Аѳонскаго отъ Ἐποτύπωσις пр. Θεодора Студита путемъ сопоставленій однородныхъ правилъ въ томъ и другомъ памятникахъ (S. 17—18), г. Мейеръ нисколько не обращаетъ вниманія на крупные недостатки²⁾ въ текстѣ Ἐποτύπωσις пр. Θεодора Студита, изданномъ кардиналомъ Анджеломъ *Мам* (*Novae patrum bibliothecae t. V, 1849. pag. 111—125*) и перепечатанномъ *Минемъ* въ 99 томѣ его «*Patrolog. curs. complet.*». Эти недостатки такъ значительны, что по мѣстамъ самая зависимость одного памятника отъ другого становится весьма сомнительною.

Второй отдѣлъ книги г. Мейера посвященъ «развитію святогорскаго монашества до введенія идіоритмической системы» (S. 22—56). Содержаніе этого отдѣла составляютъ слѣдующія главы: а) жизнь св. Аѳанасія Аѳонскаго и основаніе имъ лавры на Аѳонѣ, б) внутреннее устройство быта въ этомъ монастырѣ и с) въ другихъ святогорскихъ обителяхъ, d) упорядоченіе ихъ жизни, при помощи Типикона императора Константина Мономаха, e) время Комниновъ въ исторіи аѳонскаго монашества, f) время крестнощцевъ, g) время подчиненія св. Горы константинопольскому патріарху и б) замѣчаніе о келліи пр. Саввы Сербскаго близъ Карей и объ его Типиконѣ

Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ обобщаетъ исторію аѳонскаго монашества «отъ появленія въ монастыряхъ идіоритма до нашего времени» (S. 57—99). Сюда входятъ главы: а) введеніе на Аѳонѣ идіоритмической системы монашеской жизни, б) время упадка аѳонскаго монашества, с) начало возрожденія его, d) богословскіе споры въ XVIII столѣтіи: о поминовеніи усопшихъ, о причащеніи св. Тайнъ, e) новый строй монашеской жизни на св. Горѣ—идіоритмическій и f) борьба національностей на Аѳонѣ.

Изъ краткаго обобщенія содержанія настоящей книги ясно видно, что обстоятельности, полноты, всесторонняго изученія всѣхъ затронутыхъ въ ней вопросовъ на семидесяти девяти страницахъ нельзя требовать отъ автора, и мы вполне были бы удовлетворены, еслибы нашли здѣсь же-

1) См. нашу книгу «Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго востока». Кіев. 1895 г. т. I, ч. I, стр. XLV—XLIX.

2) Тамъ-же стр. XIV—XIX.

лательныя въ подобныхъ изданіяхъ точность, ясность изложенія и настоящую историческую правду. Къ глубокому сожалѣнію, указанныя качества не составляютъ достоинства книги г. Мейера въ надлежащей мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что онъ взялся за изученіе исторіи Аѳона безъ необходимой подготовки, не ознакомившись предварительно съ богатою литературою избраннаго имъ предмета на языкахъ русскомъ, французскомъ и даже греческомъ. Руководствомъ при отысканіи въ библіотекахъ письменныхъ источниковъ для исторіи Аѳона автору, по его словамъ, главнымъ образомъ служилъ «ненапечатанный еще (нынѣ уже появившійся въ свѣтъ на англійскомъ языкѣ) ¹⁾ каталогъ аѳонскихъ рукописей профессора Аѳинскаго университета *Ламброса*, обработанный, по словамъ г. Мейера, съ большою точностію» (mit grosser Genauigkeit) (S. 5), хотя въ дѣйствительности, сколько можно судить по изданной тѣмъ же профессоромъ первой части этого каталога на греческомъ языкѣ ²⁾, онъ весьма далекъ отъ приписываемыхъ ему совершенствъ. Въ сущности же пособіями были: 1) поверхностно и съ большими ошибками составленная константинопольскимъ ученымъ Мануиломъ Гедеономъ книжка: «Ὁ Ἄθως», называемая почему-то г. Мейеромъ «превосходною» (тамъ же) и 2) еще болѣе сомнительнаго достоинства источники—греческія константинопольскія газеты, аѳонскіе путеводители, извѣстная книга «любителя истины», написанная по поводу процесса въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ и др. Не удивительно поэтому нисколько, что подъ вліяніемъ указанныхъ источниковъ и пособій въ разбираемую нами книгу попали свѣдѣнія не только ошибочныя, но положительныя небылицы, выдуманныя въ пылу газетной страстной полемики. Такъ напр., въ главѣ: «борьба національностей» есть строки, очевидно написанныя со словъ константинопольскихъ публицистовъ 1877 года, весьма враждебно относившихся къ русскимъ инокамъ на Аѳонѣ. О покойномъ игуменѣ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря архимандритѣ Макаріѣ (Сушкинѣ), уроженцѣ города Тулы, г. Мейеръ выражается, что онъ «былъ другъ русскихъ, если не настоящій русскій» (ein Russenfreund, wenn nicht ein Russe selbst) (S. 95): слова во всякомъ случаѣ неточныя.

Что касается отмѣченной выше краткости въ исторіи Аѳона г. Мейера, то мы предъявлять къ нему требованій на этотъ счетъ и не имѣемъ права, такъ какъ онъ сдѣлалъ по этому поводу нужную оговорку. «Иное извѣстное, пишетъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ, я обошелъ, относительно иного я могъ сослаться на мою статью въ періодическомъ изданіи по церковной исторіи, другое, чего документы не касаются, или чего они касаются бѣгло, я долженъ былъ изложить пространнѣе. Я старался также указать на главныя линіи соединенія (Hauptverbindungslinien)

1) Spyr. P. Lambros. Catalogue of the Greek manuscript on mount Athos. vol. 1, Cambridge. 1895.

2) Σ. Π. Λάμπρος. Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγίου ὄρους ἑλληνικῶν χοδίκων. τ. α. μ. α'. ἐν Ἀθήν. 1888.

съ общемою исторіею греческаго монашества» (S. 4—5). Однимъ словомъ, цѣль изданія въ свѣтъ разбираемой нами книги — обнародованіе «главныхъ документовъ для исторіи Аѳона», а его историческіе очерки, распределенные по перечисленнымъ выше главамъ, суть только краткіе комментаріи къ издаваемымъ документамъ. Рекомендую свой трудъ съ этой стороны и выражая надежду, что онъ именно въ этомъ отношеніи окажется удовлетворительнымъ, авторъ тѣмъ самымъ обязываетъ критику оцѣнивать его работу только съ соотвѣтственной точки зрѣнія.

Дѣйствительно, XXIV номера «важнѣйшихъ документовъ для исторіи Аѳона», обнародованныхъ г. Мейеромъ и занимающихъ въ его книгѣ болѣе половины (S. 102—269) всего ея объема, и безъ всякихъ комментаріевъ къ нимъ могутъ считаться цѣннымъ вкладомъ въ церковно-историческую науку. И нисколько поэтому не удивительно, что за границею и даже у насъ въ Россіи¹⁾ появленіе настоящей книги встрѣчено весьма сочувственно. Мы, однакоже, не можемъ раздѣлять расточаемыхъ по адресу г. Мейера восторговъ, такъ какъ обнародованные имъ документы, за немногими исключеніями, или не представляютъ новизны и въ исторической литературѣ извѣстны по другимъ трудамъ, или же сами по себѣ малоцѣнны въ научномъ отношеніи. Такъ напр., документъ № 1 «Τυπικὸν ἤτοι Κανονικὸν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ» извѣстенъ уже былъ по книгѣ г. Мануила Гедеона, который напечаталъ его по Иверской рукописи въ книгѣ: «Ὁ Ἄθωσ» 1884 ἐν Κωνσταντ., а документы № 2 и № 3, происхожденіе которыхъ связывается съ именемъ того же преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго, въ нашей литературѣ были обнародованы въ русскомъ переводѣ²⁾, правда, съ нѣкоторыми пропусками, покойнымъ настоятелемъ нашей миссіи въ Иерусалимѣ архимандритомъ Антониномъ³⁾; документы № 4, № 5 и № 6 напечатаны пр. Порфиріемъ Успенскимъ въ его «Исторіи Аѳона» ч. III, отд. I, Кіев. 1877, стр. 265—271, 277—289 и 355—377; въ «Ἀθωνιάς» Δ. Πίστη «Περιγραφή ἱστορία τοῦ ἁγίου ὄρους Ἄθῳ». Ἐν Θεσσαλον. 1870. σελ. 32—42 и въ «Ὁ Ἄθωσ» Гедеона Мануила σελ. 101—106; документъ № 7, содержащій въ себѣ переводъ на греческій языкъ устава пр. Саввы Сербскаго для карейской келліи, печатался въ оригиналѣ многократно⁴⁾;

1) Такіе отзывы напечатаны въ Лѣтописи историко-филологическаго общества при Импер. Новороссійскомъ Университетѣ. IV. Византійское отдѣленіе II, Одесса. 1894 г. стр. 123—127 и въ Христіан. Чтеніи за 1895 г. № 11—12 стр. 579, гдѣ настоящая книга приписывается даже *Эриху Мейеру*, «первому въ Европѣ знатоку новѣйшей греческой литературы и исторіи». Изъ хвалебныхъ отзывовъ за границей мы читали отзывы въ «Byzantinische Zeitschrift» и въ «Theologische Literaturzeitung».

2) Въ греческомъ подлинникѣ были извѣстны у насъ лишь небольшіе отрывки изъ документовъ № 1 и № 2, напечатанные пр. Порфиріемъ въ «Исторіи Аѳона» ч. III, отд. I. стр. 335 и ч. III. отд. II, стр. 1081—1082.

3) Замѣтки поклонника св. Горы. Кіев. 1864, стр. 173—182; 199—212.

4) Арх. *Леонидъ*. Чтен. въ истор. общ. истор. и древн. Россійск. 1867 г. кн. IV, стр. 133—136.

документы №№ 8, 9, 10, 11, 12, 15 и 20 изданы уже въ свѣтъ пр. Порфиріемъ Успенскимъ въ продолженіи «Исторіи Аѳона» (изданіе Академіи Наукъ) ч. III, отд. II, Спб. 1892 г. подъ № 3 (стр. 619—620), № 10 (стр. 650—654), № 22¹⁾ (стр. 673), № 22 (стр. 667—673), № 24 (стр. 675—685), № 90 (стр. 1058—1061) и № 92²⁾ (стр. 1062—1067), документы подъ № 19 обнародованы тѣмъ же издателемъ въ его «Второмъ путешествіи по св. Аѳонской горѣ» М. 1880 г. стр. 482—485, но съ тою разницею противъ изданія г. Мейера, что первая грамота (А) напечатана сокращенно, вторая (В) цѣликомъ и четвертая (D) съ пропускомъ, (по Мейеру S. 237), въ 30 строкъ, грамоты же третья (С) и пятая (Е) пр. Порфиріемъ совсѣмъ опущены. Относительно грамоты 1875 г. патріарха Константинопольскаго Іоакима № 24, которою покойный архимандритъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря Макарій (Сушкинъ) былъ утвержденъ игуменомъ названной обители, г. Мейеръ прямо заявилъ, что она переписана имъ съ печатнаго оригинала (aus dem Druck abgeschrieben) константинопольскаго изданія (S. 279). Такимъ образомъ, новыми, неизданными въ свѣтъ, если только мы не ошибаемся, документами въ книгѣ г. Мейера являются 1) грамота Константинопольскаго патріарха Іоакима I (1498—1502, 1505—1506) 1498 года относительно рукоположенія прота Св. Горы и игумена лавры патріархомъ вселенскаго престола и относительно недопущенія на св. Гору безбородыхъ юношей подъ № 13, 2) выдержки изъ Иверской рукописи XVI в. № 595, заключающія въ себѣ наставленія монаха Пахомія касательно монашескихъ общежитій на Аѳонѣ, подъ № 14, 3) письмо нѣкоего іеромонаха Діонисія въ карейскій протать съ обличеніями противъ роскошной не монашеской жизни иноковъ св. Горы, которая вызывала потребность въ большихъ средствахъ и необходимость чрезъ это кредитоваться за большіе проценты у иноковъ той же Горы, подъ № 16, 4) извлеченія изъ рукописи XVII в. № 208 Иверской библіотеки съ наставленіями относительно жизни, поведенія и духовныхъ упражненій для иноковъ-келліотовъ подъ № 17, 5) достовѣрные рассказы старцевъ объ откровеніяхъ и чудесахъ, бывшихъ на Аѳонѣ, изъ Ксиропотамскаго кодекса XVIII в. № 97 подъ № 18, 6) грамота Константинопольскаго патріарха Θεодосія II (1769—1773 г.) къ монахамъ св. Горы съ убѣжденіемъ прекратить споры о поминовеніяхъ и грамота патріарха Константинопольскаго Гавріила IV (1780—1784), датированная 1781 годомъ, разрѣшающая священнослуженіе іеромонаху Аѳанасію (Ἀθανάσιος ὁ Πάριος), подъ № 19, 7) уставъ для скита Предтечи, составленный Иверскимъ киріархическимъ монастыремъ въ 1788 году, подъ № 21, 8) грамота Константинопольскаго патріарха Софронія II (нынѣ здравствующаго александрійскаго патріарха) 1864 г.,

1) Отрывокъ изъ этого документа напечатанъ у Гедеона въ его «Ὁ Ἁθῶς» σελ. 116—118 и въ цѣломъ видѣ у Δ. Πίστη, «Περιγραφὴ ἱστορία» σελ. 86—92.

2) Съ пропусками эта грамота раньше была напечатана пр. Порфиріемъ во «Второмъ путешествіи по св. Аѳонской горѣ» стр. 496—498.

направленная къ тому, чтобы урегулировать отношенія келліотовъ къ монастырямъ, на земляхъ которыхъ они, по извѣстному договору, селились подъ № 22, и 9) образцы «омологій», или договорныхъ грамотъ, заключаемыхъ на извѣстныхъ условіяхъ и нынѣ между монастырями и ихъ келліотами и кавіотами или каливитами, подъ № 28. Всѣ указаные нами девять номеровъ вновь изданныхъ г. Мейеромъ документовъ, какъ это видно изъ краткаго обзорѣнія ихъ содержанія, могутъ быть не безполезнымъ матеріаломъ для полной исторіи святогорскаго монашества, но всѣ они, за исключеніемъ, пожалуй, грамотъ Константинопольскихъ патріарховъ Іоакима I, Софронія II и отчасти Θεодосія II, ни въ какомъ случаѣ уже не могутъ претендовать на названіе «главныхъ документовъ» его (die Haupturkunden). Безъ этихъ документовъ эта исторія мало потеряла бы въ цѣльности и даже обстоятельности. Это съ одной стороны. Съ другой, въ нашей русской исторической наукѣ образчики «омологій», характерные примѣры видѣній и чудесъ, совершившихся на Аѳонѣ, извѣстны давнымъ давно изъ «Перваго путешествія въ Аѳонск. монастыри и скиты» Кіев. 1877 г., ч. I, отд. I, стр. 266—269 и изъ «Исторіи Аѳона» ч. III, отд. I, стр. 166, 167 и др. Преподобнаго Порфирія Успенскаго.

Параллельныя, однако, изданія однихъ и тѣхъ же документовъ возможны не только въ двухъ совершенно различныхъ литературахъ, изъ коихъ одна, т. е. нѣмецкая, не хочетъ признавать другую, но даже и въ одной и той же литературѣ. Научная критика въ этомъ случаѣ отдаетъ предпочтеніе обыкновенно тому изданію, которое сдѣлано съ большею затратою энергіи въ дѣлѣ собранія лучшихъ оригиналовъ для издаваемыхъ памятниковъ, если, конечно, нельзя отыскать самыхъ автографовъ ихъ, и если найденные издателемъ тексты подвергнуты прежде своего появленія на свѣтъ Божій всестороннему строго-критическому изученію. Разсматривая разбираемую книгу г. Мейера въ первомъ отношеніи, мы должны сказать, что она стоитъ немногимъ выше другихъ подобныхъ изданій въ литературахъ нашей русской и греческой. Какъ не разхваливаетъ г. Мейеръ гостепріимство аѳонскихъ монастырей-идіоритмовъ и ихъ «деликатное полное достоинства обхожденіе», тѣмъ не менѣе изъ его книги не видно, чтобы иноки этихъ монастырей отнеслись къ нему съ бóльшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ прочимъ путешественникамъ-иностранцамъ по св. Горѣ, и настезь растворили передъ нимъ двери своихъ завѣтныхъ скевофилакій и библіотекъ. Напротивъ, изъ книги г. Мейера мы видимъ ясно, что и ему, какъ и другимъ ученымъ, не было доступно *главнѣйшее хранилище важнѣйшихъ документовъ святогорскаго иночества* — архивъ Карейскаго протата, а изъ монастырскихъ библіотекъ онъ хорошо ознакомился съ ихъ сокровищами лишь въ Иверѣ, въ лаврѣ пр. Аѳанасія Аѳонскаго и отчасти въ Ксиропотамѣ, издавъ изъ рукописей послѣдняго одинъ документъ № 18. Главнымъ же источникомъ, изъ котораго онъ извлекъ важнѣйшіе документы для исторіи аѳонскаго монашества, послужила рукопись весьма не древняго происхожденія (уставъ, напр., импера-

тора Іоанна Цимисхія списанъ сюда съ подлинника (ἐκ τοῦ ἰδίου πρωτοτύπου) только въ 1784 году 14 октября), найденная издателемъ въ келліи св. Троицы близъ Кареи (S. 273). Въ силу этого, весьма понятно, у г. Мейера оказалось немного документовъ, обнародованныхъ по подлинникамъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ хрисовуль императора Андроника подъ № 9, хрисовуль императора Мануила подъ № 12, грамота Константинопольскаго патріарха Іереміи II ¹⁾ подъ № 15, уставъ Иверскаго скита Предтечи подъ № 21 и образцы «омологій» подъ № 23; сюда же можно относить первые три документа и выдержки изъ рукописей подъ №№ 14, 17 и 18, а всѣ прочіе документы заимствованы изъ разновременныхъ и не отличающихся особенною древностію своего происхожденія рукописей Ивера, лавры пр. Аѳанасія и келліи св. Троицы близъ Кареи.

Но и относительно перечисленныхъ нами сейчасъ документовъ, изданныхъ по оригиналамъ, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько оговорокъ. Во-первыхъ, хрисовулы императоровъ Андроника и Мануила были обнародованы преосв. Порфириемъ Успенскимъ по тѣмъ же самымъ оригиналамъ, какими воспользовался для своей книги и г. Мейеръ, но безъ точнаго указанія на это немаловажное обстоятельство. Во-вторыхъ, г. Мейеръ не всегда точенъ, какъ это можно было ожидать отъ него, въ опредѣленіи хронологіи рукописей, по которымъ онъ издаетъ документы, и иногда отдаетъ предпочтеніе предъ рукописями древнѣйшими и съ точными датами позднѣйшимъ, довольно сомнительнаго происхожденія. Такъ, напр., документъ подъ № 6 «Διήγησις μερικῆ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως καὶ Νικολάου πατριάρχου, γινομένη κατὰ διαφόρους καιρούς» изданъ г. Мейеромъ (S. 163—184 Слич. пр. Порфирія Истор. Аѳона ч. III, отд. I, стр. 355—377) по иверской рукописи, которую онъ считаетъ по происхожденію не ранѣе, какъ около XV столтія (nicht vor dem 15 Jahrhundert geschrieben) (S. 274). Но такъ какъ языкъ этого документа по своимъ особенностямъ приближается, по его мнѣнію, «къ народному греческому», то онъ отдаетъ предпочтеніе «лучшему образцу текста», отысканному имъ въ извѣстномъ уже намъ кодексѣ 1784 года Свято-троицкой келліи близъ Кареи (S. 274). Иначе совершенно поступилъ пр. Порфирій, отыскавъ въ Иверскомъ сборникѣ, который онъ называетъ «малымъ Пандектомъ» (Παλῆκτης) въ отличіе отъ другого сборника той же библіотеки—«Большого Пандекта», — точную хронологическую дату — 3 февраля 1514 года. (Первое путешествіе въ Аѳонск. мон. и скиты ч. I, отд. II, стр. 204 сн. 286). Нашъ ученый отдалъ всецѣло предпочтеніе сборнику 1514 года и напечаталъ текстъ этого любопытнаго документа по нему. Отсюда и яви-

1) Грамота патріарха Іереміи II издана преосв. Порфириемъ Успенскимъ по копіи, неисправной въ текстуальномъ отношеніи. Такъ напр., кромѣ небольшой разницы въ текстѣ самой грамоты, мы не видимъ среди подписей имени митрополита Ираклійскаго Герасима и замѣчаемъ неточную передачу въ подписи тамъ же патріарха александрійскаго Сильвестра (Слич. S. 215—218 и Исторію Аѳона ч. III, отд. II, стр. 1058—1061).

лась разница въ порядкѣ составныхъ частей одного и того же документа въ изданіяхъ г. Мейера и пр. Порфирія. Совершенно сходный съ Иверскимъ — Порфирьевскимъ текстъ даннаго документа мы нашли въ рукописи XV вѣка Московской Синодальной библіотеки № 421 (Арх. Владиміръ. Систематич. описаніе ркп. Московской синодальной библіотеки М. 1894 г. ч. I, стр. 634—635), а также у предшественниковъ г. Мейера въ «Ἀθωνιάς» Δ. Πίστη σελ. 32—42 и въ «Ὁ Ἄθως» Мануила Гедεона σελ. 101—106. Въ виду столь почтенной древности рукописей, въ которыхъ встрѣчается текстъ документа № 6, изданнаго г. Мейеромъ по единственной рукописи 1784 года Свято-троицкой келліи, мы, пока не будутъ отысканы автографы его, не осмѣливаемся послѣдовать за г. Мейеромъ и не рѣшаемся признавать изданный имъ текстъ «за лучшій». Намъ, признаемъ, нисколько не увлекаетъ приписка въ рукописи Свято-троицкой келліи: «ἀντιγραφὲν ἐκ τοῦ ἰδίου πρωτοτύπου ἀπαράλλακτως» (S. 273), которую мы непрочъ даже считать за стереотипъ, или простую механическую приписку писца.

Такимъ образомъ, за новою книгою г. Мейера въ концѣ концовъ мы признаемъ сравнительно съ однородными изданіями то лишь преимущество, что въ ней въ первый разъ въ цѣльномъ видѣ и послѣ тщательной провѣрки текстовъ, если не съ автографами, то по рукописямъ, весьма близкимъ ко времени происхожденія ихъ, издаются творенія основателя лавры и организатора аѳонскаго иночества пр. Аѳанасія Аѳонскаго.

Съ именемъ пр. Аѳанасія извѣстны въ наукѣ три произведенія, напечатанныя нынѣ въ книгѣ г. Мейера подъ первыми тремя номерами съ слѣдующими заглавіями: а) Τυπικὸν ἢ τοὶ Κανονικὸν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ, б) Ἡ διατύπωσις τοῦ ὁσίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου и в) (Ἐποτύπωσις καταστάσεως τῆς λαύρας τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου). Послѣдняя статья въ рукописяхъ надписанія не имѣетъ; оно составлено издателемъ искусственно въ подражаніе 'Ἐποτύπωσις' у пр. Θεοδора Студита, съ которымъ эта статья имѣетъ большое сходство и въ содержаніи и даже изложеніи. Г. Мейеръ въ основу своего изданія произведеній пр. Аѳанасія Аѳонскаго положилъ текстъ Иверской рукописи XVI в. № 754, какую имѣлъ подъ руками, какъ мы знаемъ, и г. Мануилъ Гедεонъ, впервые обнародовавшій Типиконъ этого отца, но сличивъ его, предварительно съ текстами болѣе древнѣйшаго времени въ лаврѣ пр. Аѳанасія. Такъ, первый документъ «Τυπικὸν ἢ τοὶ Κανονικὸν» г. Мейеръ сличилъ съ спискомъ «Каноникона» 1814 года, который онъ именуетъ «официальнымъ спискомъ» (officielle Abschrift des Kanonikon) (S. 271) за то именно, что подъ текстомъ его онъ отыскалъ многоговорящую ему приписку: «Ἴσον ἀπαράλλακτον τῆς ἱερᾶς διαθήκης τοῦ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν ἁγίου Ἀθανασίου... ἥτις διὰ τὴν παλαιότητα τῆς γραφῆς ἤδη σχεδὸν εἰς τὸ φθαρῆναι ἐπέιγετο, ὅθεν διὰ προτροπῆς τινὸς μοναχοῦ, τοῦ διδασκάλου λέγω τὴν κληῖσιν Προκοπίου ἐγράφη» к. т. л. (тамъ же). Затѣмъ, при помощи «друга своего», секретаря карей-

скаго протата, іеромонаха лавры пр. Аѳанасія о. Хрисостома, какъ первый документъ, такъ и два остальные, онъ провѣрилъ по двумъ *старымъ кодексамъ* ¹⁾ XI столѣтія, которые обыкновенно «никому не показываются» и ревниво оберегаются отцами лавры отъ взоровъ любопытныхъ въ завѣтной скевофилакїи (S. 272). Результатомъ послѣдней провѣрки было полное убѣжденіе г. Мейера въ томъ, что Иверскій текстъ находится въ зависимости отъ перваго кодекса XI столѣтія, а лаврскій 1814 года — отъ втораго кодекса начала XI столѣтія, или автографа пр. Аѳанасія. Что же касается 'Υποτύπωσις'а, то текстъ его въ рукописи Иверскую и Лаврскую 1814 года былъ заимствованъ изъ перваго кодекса XI столѣтія (S. 272—273). Выборъ текста для трехъ произведеній пр. Аѳанасія былъ, такимъ образомъ, ясенъ для г. Мейера, и онъ, ни мало не колеблясь, напечаталъ его по Лаврской рукописи 1814 года, отмѣтивъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ варианты и по Иверской рукописи, какъ она воспроизведена г. Мануиломъ Гедеономъ, съ опущеніемъ лишь нѣкоторыхъ примѣчаній на поляхъ ея и дѣленій на главы. Держаться текста Лаврской рукописи 1814 года побуждало г. Мейера и то еще обстоятельство, что текстъ, напр., «Каноникона» пр. Аѳанасія въ этой рукописи ближе къ тексту 'Υποτύπωσις'а пр. Θεοδора Студита по изданію Миня, чѣмъ въ Иверской рукописи XVI в. (S. 271).

Приемъ г. Мейера, при изданіи текстовъ твореній пр. Аѳанасія Аѳонскаго, мы могли бы признать вполне научнымъ и серьезнымъ, если бы онъ устранилъ тѣ недоразумѣнія, какія возникаютъ у читателя, при чтеніи страницъ, посвященныхъ этимъ важнѣйшимъ документамъ изъ исторіи святогорскаго иночества. Во-первыхъ, для насъ, лично знакомыхъ съ о. Хрисостомомъ, компетентность его въ палеографіи представляется весьма сомнительною, такъ какъ въ наукѣ онъ ничѣмъ еще не заявилъ себя, а между тѣмъ г. Мейеръ не только съ полнымъ довѣріемъ относится къ сдѣланному «его другомъ» описанію двухъ древнѣйшихъ кодексовъ лаврской скевофилакїи, но потомъ, какъ увидимъ ниже, основываетъ на немъ и свои соображенія относительно времени происхожденія этихъ произведеній изъ рукъ пр. Аѳанасія (S. 273). Во-вторыхъ, о. Хрисостомъ не обратилъ должнаго вниманія на сохранность древнѣйшаго кодекса скевофилакїи, начала XI столѣтія, признаваемого имъ за автографъ пр. Аѳанасія, а самъ г. Мейеръ не указалъ намъ, какъ это слѣдовало бы сдѣлать, въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ кодексъ ске-

1) Г. Мейеръ, со словъ о. Хрисостома, даетъ теперь въ своей книгѣ и подробное описаніе этихъ «завѣтныхъ» кодексовъ лаврской скевофилакїи. Въ одномъ изъ этихъ кодексовъ содержится текстъ древнѣйшаго житія пр. Аѳанасія, изданный нынѣ проф. И. В. Помяловскимъ (Житіе пр. Аѳанасія Аѳонскаго. Спб. 1895 г.), похвальное слово (ἐγκώμιον) въ честь преподобнаго и полный текстъ всѣхъ трехъ произведеній его, въ другомъ же, который, по времени написанія, можетъ относиться «къ самому началу XI в., ко времени самого Аѳанасія, и *можетъ считаться автографомъ*» (?) (S. 273), имѣются лишь два первыхъ произведенія сего отца и совершенно отсутствуетъ третье, называемое г. Мейеромъ «'Υποτύπωσις'омъ». (S. 271—273).

вофилакїи къ тому оригиналу, съ котораго сдѣланъ «официальный» списокъ Каноникона или Типикона и о которомъ подпись 1814 года говоритъ, что Διαθήκη пр. Аѳанасїа «διὰ τὴν παλαιότητα τῆς γραφῆς ἤδη σχεδὸν εἰς τὸ φθαρῆναι ἐπείγεται (S. 271). Не выяснено, въ-третьихъ, издателемъ съ достаточною полнотою и обстоятельностью и то, почему г. Мейеръ рѣшился лаврскїй списокъ «Каноникона» 1814 года считать «официальнымъ». Вышеприведенная подъ этимъ спискомъ подпись (Ἰσὸν ἀπαράλλακτον τῆς ἱερᾶς διαθήκης κ. τ. λ.) и сходство его съ текстомъ Ὑποτύπωσις'а пр. Θεοδора Студита въ изданїи Миня—основанїя для сего недостаточныя и малоубѣдительныя. Наконецъ, въ виду неполноты описанїя всѣхъ списковъ, содержащихъ въ себѣ сочиненїя пр. Аѳанасїа Аѳонскаго, въ книгѣ г. Мейера для насъ такъ и остался совершенно невыясненнымъ весьма важный вопросъ о подписяхъ подъ автографами, или «официальными» списками завѣщанїй пр. Аѳанасїа. Объ этихъ подписяхъ совершенно не упоминаютъ, при описанїи лаврскихъ рукописей, ни г. Мейеръ, ни «его другъ» о. Хрисостомъ, но покойный о. архимандритъ Антонинъ ¹⁾ и Мануиль Гедeonъ ²⁾ неоднократно говорятъ о нихъ, и присутствїе ихъ въ спискахъ завѣщанїй, по нашему мнѣнїю, придаетъ характеръ подлинности документу и было вполнѣ умѣстно и естественно.

Отлично понимая важное значенїе «завѣщанїй» пр. Аѳанасїа Аѳонскаго для исторїи святогорскаго иночества, г. Мейеръ остановился съ большимъ вниманїемъ и на вопросѣ о времени происхожденїя или написанїя св. отцемъ трехъ его произведенїй и сдѣлалъ попытку дать болѣе или менѣе точное опредѣленїе его, хотя, какъ увидимъ сейчасъ, не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. Документъ № 1 «Τυπικὸν ἤτοι Κανονικόν» г. Мейеръ считаетъ написаннымъ въ началѣ 970 года, потому что въ немъ объ Иоаннѣ Цимисхиѣ (969—975), вступившемъ на византїйскїй престолъ, послѣ убїенїя въ 969 году 16 декабря императора Никифора Фоки, говорится, какъ уже о царствующемъ императорѣ (S. 119, 273), — и даже не прочь считать смерть послѣдняго поводомъ къ написанїю Типикона. Διατύπωσις, напечатанный подъ № 2, написанъ, по его мнѣнїю, уже послѣ смерти императоровъ Никифора и Иоанна, при ихъ преемникѣ Василиѣ II (975—1025) Порфирородномъ, который подтвердилъ золотыя грамоты своихъ предшественниковъ, т. е. близко ко времени смерти организатора аѳонскаго монашества пр. Аѳанасїа, скончавшагося, по Мейеру, между 997 и 1011 годами. Документъ № 3, названный издателемъ Ὑποτύπωσις'омъ, онъ оставляетъ безъ точнаго опредѣленїя времени его происхожденїя и высказываетъ по поводу его сомнѣнїе: вышелъ ли этотъ документъ изъ рукъ преп. Аѳанасїа въ такомъ видѣ, въ какомъ мы его читаемъ въ «официальномъ спискѣ» 1814 года, или онъ потерпѣлъ позднѣйшія измѣненїя и наслоенїя? Издателя смущаетъ то, по его мнѣ-

1) Замѣтки поклонника св. Горы стр. 173, 181, прим. 1, 2; 182, прим. 1—2.

2) Ὁ Ἄθως σελ. 245 σημ. *.

нію, важное обстоятельство, что Ὑποτύπωσις совершенно отсутствует въ древнѣйшемъ кодексѣ лаврской скевофилакїи, признанномъ о. Хрисостомомъ за автографъ пр. Аѳанасїя (S. 273).

Соглашаясь въ общемъ съ заключеніемъ г. Мейера по вопросу о времени происхожденія двухъ первыхъ документовъ, мы, однакоже, не находимъ никакихъ основаній для того, чтобы первый изъ этихъ документовъ можно было приурочивать къ смерти императора Никифора Фоки, или видѣть въ смерти его поводъ къ написанію Каноникона, а второй считать, такъ сказать, предсмертнымъ ¹⁾ завѣщаніемъ пр. Аѳанасїя Аѳонскаго. Кончина послѣдняго, какъ извѣстно, была неожиданною. Онъ умеръ подъ сводами упавшей на него и его спутниковъ, вновь строившейся, соборной монастырской церкви. Въ частности, относительно побужденій къ составленію «τὴν παροῦσαν ἔγγραφον ὑπόμνησιν, διαθήκης ἐπέχουσαν τύπον, μᾶλλον δὲ μυστικὴν οὖσαν διατύπωσιν ἔγγραφόν τε καὶ ἐνυπόγραφον» (S. 123), въ началѣ Διατύπωσις'а пр. Аѳанасїй прямо заявляетъ, что для него послужили «помышленія о безвѣстномъ часѣ смерти» (τὸ τοῦ θανάτου ἄδηλον τέλος), «преимущественно же въ путешествіи моремъ, ради бывающихъ частовременно, по непостижимымъ судьбамъ Божиимъ, кораблекрушеній» (тамъ же). Отсюда, слѣдовательно, ясно, что составитель его, хотя и находился уже въ старости маститой (συγγηράσαντα) (S. 124), но былъ еще бодръ тѣломъ (ἔτι ζῶντος ἐμοῦ) (S. 123) и готовился къ новымъ плаваніямъ по морю, которое ему хорошо было знакомо, благодаря неоднократно путешествіямъ по дѣламъ своей лавры въ Константинополь. Слѣдовательно, о Διατύπωσις'ѣ пр. Аѳанасїя достаточно сказать, что оно написано имъ *послѣ 975 года*, когда занималъ византійскій престолъ уже Василій II Порфирородный, прозванный Болгаробойцею. Что касается третьяго документа, именуемаго Мейеромъ «Ὑποτύπωσις'омъ», то онъ написанъ пр. Аѳанасїемъ несомнѣнно раньше первыхъ двухъ. Объ Ὑποτύπωσις'ѣ ясно и опредѣленно, по нашему мнѣнію, говорится и въ «Канониконѣ» или Типиконѣ и въ Διατύπωσις'ѣ. Слѣдующія слова Типикона: «Κοινῶς ἐσθίειν παρεγγυόμεθα τοὺς οὕτως ἠνωμένους, κοινὴν τὴν πᾶσαν ἀκολουθίαν ἐπιτελεῖν ἐν τῇ ἀγίᾳ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ τὴν τε νοκτερινὴν καὶ ἡμερινὴν, καθὼς ἔργῳ αὐτοῖς ὑποδείξαμεν καὶ ἐγγράφως ἐντειλόμεθα καὶ παρεδεδώκαμεν» (S. 116) мы безъ колебанія относимъ къ Ὑποτύπωσις'у, такъ какъ ими вполне и обстоятельно характеризуется содержаніе этого памятника. Еще яснѣе и опредѣленнѣе говорится о немъ, съ указаніемъ даже на характеръ происхожденія, въ Διατύπωσις'ѣ. «Завѣщеваю, читаемъ мы здѣсь, соблюдать и въ св. церкви Божіей и въ трапезѣ и во всѣхъ другихъ службахъ уставы, какъ *письменно изложенные*, такъ и неписанно преданные (διαφυλαχθῆναι τε τοὺς τύπους, τοὺς τε ἐγγράφως ἐκτεθέντας καὶ ἀγράφως παραδεδέντας ἐν τε τῇ ἀγίᾳ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ, καὶ ἐν τῷ ἀριστηρίῳ, καὶ ἐν πάσαις

1) Въ житїи пр. Аѳанасїя Διατύπωσις это завѣщаніе хотя и называется «τὴν τελευταίαν ἐντολήν» (Помялов. И. В. Житїе св. Аѳанасїя стр. 95), но въ томъ смыслѣ, что другихъ предсмертныхъ завѣщаній послѣ этого св. отецъ уже не писалъ болѣе.

ταῖς ἄλλαις διακονίαις), которые уложили святые и богоносные отцы, а мы недостойные, изъ ихъ писанія и преданія по частямъ заимствовали и передали въ правило и образецъ (ἐκ τῆς ἐκείνων γραφῆς καὶ παραδόσεως μερικῶς ἐξειλήφαμεν καὶ παρεδεδώκαμεν εἰς κανόνα καὶ τύπον τῆς καθ' ἡμᾶς λαύρας) нашей лаврѣ (S. 124). Ὑποτύπωσις пр. Аѳанасія Аѳонскаго, какъ весьма убѣдительно доказалъ г. Мейеръ цѣлымъ рядомъ сопоставленій въ первой части своей книги (S. 17 — 18), написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ Ὑποτύπωσις'а, приписываемаго пр. Θεодору Студиту, и по содержанію представляетъ изъ себя именно уставъ (τοὺς τύπους) или сборникъ правилъ относительно порядка «богослуженія въ св. церкви», поведенія монаховъ «за трапезою» (ἐν τῷ ἀριστηρίῳ) и во время исполненія ими разнаго рода послушаній (ἐν πάσαις ταῖς ἄλλαις διακονίαις), т. е. обнимаетъ все то, что составляетъ нынѣ содержаніе документа № 3. Что же касается существующихъ разностей и несогласій въ обоихъ извѣстныхъ намъ Ὑποτύπωσις'ахъ, то ихъ нужно относить на долю того «преданія» (παραδόσεως), изъ котораго, помимо «писаній», черпалъ пр. Аѳанасій правила для устава основанной имъ лавры.

Думается намъ, что третій документъ, происхожденіе котораго связывается съ пр. Аѳанасіемъ Аѳонскимъ и который въ рукописяхъ не имѣетъ прямого надписанія или заглавія, слѣдуетъ называть не «Ὑποτύπωσις'омъ», какъ это сдѣлалъ г. Мейеръ, позаимствовавъ названіе изъ однородной съ нимъ статьи пр. Θεодора Студита, а гораздо правильнѣе и ближе къ истинѣ: «Κανὼν καὶ τύπος». Такое наименованіе даютъ этой статьѣ и притомъ неоднократно (S. 124, 123, 113) самъ составитель пр. Аѳанасій Аѳонскій и достовѣрный его биографъ¹⁾, ученикъ старца Антонія (S. 129), бывшаго, въ свою очередь, преданнѣйшимъ и любимѣйшимъ ученикомъ преподобнаго основателя лавры (τῷ διαδόχῳ αὐτοῦ (т. е. пр. Аѳанасія) τούτῳ δὴ τῷ νῦν ἐμῷ διδασκάλῳ, ὃς Ἀντώνιος κέκληται)²⁾. Такое наименованіе памятнику, который долженъ былъ, по мысли составителя, регулировать въ основанной имъ лаврѣ строй богослужебный и внутренній монастырскій, вполнѣ подходящее и приличное. «Τύπος'омъ» называется извѣстное «завѣщаніе» пр. Саввы Освященнаго (см. наше «Путешествіе по востоку и его научные результаты». Кіев. 1890, стр. 179), по содержанію весьма сходное съ разсматриваемымъ документомъ. «Κανὼν περὶ βρώσεως καὶ πόσεως» даетъ въ 1161 году Николо-Казулянскому монастырю (въ Отранто) игуменъ его монахъ Николай (Описаніе литург. ркп., хранящихся на прав. востокѣ, т. I, ч. 1, стр. 818). Словомъ: Κανὼν или Κανονάριον несомнѣнно назывался уставъ церковной службы Константинопольской великой церкви (тамъ же стр. 110, 172, 193). Однимъ

1) Τὸ πρακτικὸν τῷ ἐρημικῷ, читаемъ мы въ житіи пр. Аѳанасія, οὐχ ὑφ' ἐτέρου, ἀλλ' ὑπὸ τῆς ἐκείνου χειρὸς τυπούμενα, ὑφ' ἧς καὶ αὐτοὶ πάντες ἤγοντο· αὐτὸς γὰρ αὐτοῖς τὰ πάντα καὶ νόμος καὶ νομοθέτης καὶ θεὸς τύπος ἐδόκει (Проф. И. В. Помяловскій. Житіе пр. Аѳанасія Аѳонскаго стр. 52).

2) Тамъ же стр. 107 и 93.

словомъ, устанавливаемое нами наименованіе третьему документу, съ точки зрѣнія литургической терминологіи, ни мало не должно смущать насъ, такъ какъ оно было хорошо извѣстно въ древне-византійской письменности и ничего необычнаго не представляетъ.

Когда же вышелъ изъ рукъ преп. Аѳанасія Аѳонскаго этотъ «Κανὼν» или «τύπος», или, какъ именуетъ его г. Мейеръ, «ὑποτύπωσις?» Покойный пр. Порфирій Успенскій¹⁾ полагаетъ, что время его составленія можно относить или къ 964 году, или къ 965 г., когда пр. Аѳанасій, желая упрочить благосостояніе своей лавры, представилъ царю Никифору Фокѣ записку съ изложеніемъ въ ней, между прочимъ, и *полнаго устава* (καθόλου διατάξιν) ея, и когда этотъ царь не только утвердилъ данный уставъ (ἐπιβεβαίωv), но даже издалъ особый хрисовулль (χρυσουβούλλιον), которымъ пожертвовалъ лаврѣ 244 златицы (νομίματα) съ доходовъ острова Лимноса (S. 114—115, 107, 109, 113). Достоверный біографъ пр. Аѳанасія, не довѣряя которому нѣтъ у насъ достаточныхъ основаній²⁾, относитъ время составленія КанѼна, или точнѣе полученія указанныхъ 244 златицъ для лавры къ 961 = 6469 году³⁾, т. е. къ еще болѣе раннему времени. Дѣло, какъ намъ кажется, вполнѣ естественное организатору иноческой жизни на св. Горѣ, желавшему устроить ее во всѣхъ отношеніяхъ на иныхъ началахъ, чѣмъ какія практиковались до него, — начать свои реформы съ точной регламентаціи до мелочей правилъ (κανὼν) относительно богослужебнаго порядка въ лаврѣ, внутреннихъ взаимныхъ отношеній между игуменомъ и его помощниками, выборными должностными лицами и простыми рядовыми монахами, рѣшившимися жить по правиламъ строгаго общежитія (κοινότης), и относительно ихъ повседневной обычной жизни, чѣмъ и является теперь передъ нами третій документъ по изданію г. Мейера. То обстоятельство, смущающее издателя, что «Κανὼν» или «τύπος» не находится въ древнѣйшемъ кодексѣ начала XI столѣтія лаврской скевофилакїи, признаваемомъ имъ, со словъ о. Хрисостома, за автографъ преподобнаго, если даже и полагаться на свидѣтельство «друга» г. Мейера, по нашему мнѣнію, говоритъ также за то, что это произведеніе пр. Аѳанасія вышло изъ его рукъ гораздо раньше остальныхъ, а посему естественно и не нашло себѣ мѣста въ названномъ кодексѣ. Въ лаврской

1) Исторія Аѳона ч. III, отд. I, Кіев. 1877, стр. 74—75.

2) Пр. Порфирій (Истор. Аѳон. ч. III, отд. I, стр. 75, прим.) не довѣряетъ датѣ, указываемой въ жизнеописаніи пр. Аѳанасія на томъ лишь основаніи, что въ 961 году Никифоръ Фока не былъ еще императоромъ и, слѣдовательно, не могъ давать пр. Аѳанасію хрисовула, но въ житіи говорится о граматѣ, скрѣпленной подписью и печатью (ἐπισφραγισσοῦσα), каковую могъ всегда дать преподобному знатный вельможа-монахолобець, управлявшій престоломъ вмѣсто малолѣтняго императора Василія. Это во первыхъ. Во-вторыхъ, въ своемъ «Канониконѣ», написанномъ, какъ уже мы сказали, когда императоръ Фока скончался, пр. Аѳанасій имѣлъ право его простую грамату именовать и хрисовуломъ (S. 115), императорскимъ документомъ, и едвали онъ погрѣшалъ въ этомъ случаѣ противъ исторической правды.

3) И. В. Помяловскій. Житіе пр. Аѳанасія Аѳонскаго стр. 30.

скевофилакіи лежатъ два послѣднія произведенія пр. Аѳанасія, выражающія оба волю ктитора лавры на случай смерти и весьма нерѣдко называемыя прямо его «завѣщаніемъ» (διαθήκη), а въ жизнеописаніи даже и прямо «послѣднимъ завѣщаніемъ», и какъ таковыя, естественно, могли быть переплетены въ одинъ сборникъ и крѣпко на крѣпко, какъ безцѣнныя сокровища, всегда хранились именно въ секретѣ, вдали отъ взоровъ празднаго любопытства. Иное совершенно назначеніе имѣлъ его «Κανὼν или τύπος», данный въ руководство игумену и братіи: имъ руководились они въ церкви, въ трапезѣ, въ келліи и въ каждомъ затруднительномъ случаѣ; его они обязаны были знать почти наизусть, и для сего вмѣнялось въ обязанность его «*всегда читать* (πάντοτε ἐν τῇ συνόδῳ ἀναγινώσκουσθαί) *въ собраніи*, чтобы никто изъ братій не отговаривался невѣдѣніемъ» (S. 140). Слѣдовательно, «Κανὼν», или, какъ выражается въ данномъ случаѣ пр. Аѳанасій, «*πάντα τὰ παρ' ἡμῶν κανονισθέντα*» (тамъ же), долженъ былъ не лежать въ скевофилакіи, а всегда находиться на виду, передъ глазами всѣхъ. Ничего не можетъ быть удивительнаго, если данный памятникъ, имѣвшій столь широкое практическое употребленіе въ лаврѣ въ теченіе столькихъ вѣковъ, въ автографѣ и не сохранился до нашего времени, или, какъ выражается лаврскій списокъ его 1814 года, «*σχεδὸν εἰς τὸ φθαρῆναι ἐπέιγεται*».

Вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ дошелъ до насъ «Κανὼν или τύπος» пр. Аѳанасія, рѣшается, по нашему мнѣнію, легко и въ положительномъ смыслѣ. Мы не сомнѣваемся, что его мы имѣемъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ пера своего автора. Яснымъ доказательствомъ этого можетъ служить обнародованное недавно проф. С.-Петербургскаго Университета И. В. Помяловскимъ «Житіе пр. Аѳанасія Аѳонскаго» по рукописи XI вѣка. Житіе это принадлежитъ, какъ мы сказали, лицу, которое имѣло полную возможность собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія о ктиторѣ лавры отъ своего старца и наставника Антонія, друга пр. Аѳанасія, и которому всѣ важнѣйшіе документы лавры были доступны и хорошо извѣстны. Мы считаемъ излишнимъ въ данномъ случаѣ дѣлать сопоставленія текстовъ изъ «Κανὼν'а» и вновь изданнаго житія преподобнаго, но не можемъ не указать нашимъ читателямъ на стр. 34—36 этого житія для примѣра, чтобы они лично могли убѣдиться, что сдѣланный составителемъ житія подробный анализъ «Κανὼн'а» и по мѣстамъ даже буквальными словами подлинника вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ представленіемъ объ этомъ документѣ, какъ онъ является теперь передъ нами въ разбираемой книгѣ г. Мейера. Знакомство автора жизнеописанія пр. Аѳанасія съ его «Κανὼн'омъ» и другими произведеніями сего отца сказывается весьма часто и на другихъ страницахъ его точнаго и тщательнаго труда (тамъ же, стр. 95 и др.). Потерпѣть большихъ измѣненій и добавленій «Κανὼн» пр. Аѳанасія не могъ уже потому, что онъ находился, какъ мы сказали, на глазахъ у всѣхъ, слѣдовательно, подъ строгимъ контролемъ братства. Здѣсь, если и можно вести рѣчь объ из-

мѣненіи въ «Καλὸν' ἔ», то нужно имѣть въ виду измѣненія качественныя, со стороны переписчиковъ, а не количественныя въ смыслѣ добавленій или сокращеній его.

Но книгу г. Мейера отличаетъ изъ ряда однородныхъ изданій не столько тщательные поиски за автографами для издаваемыхъ имъ документовъ, такъ какъ для этого онъ, какъ и его коллеги, не находился въ счастливыхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, во время своего путешествія по св. Горѣ, сколько серьезная критическая работа его надъ текстомъ этихъ документовъ. Его, такъ называемыя, «тексто-критическія примѣчанія» къ документамъ (S. 270—279) показываютъ, что на эту сторону своей работы онъ направилъ главное свое вниманіе, обнаружилъ въ ней основательную филологическую подготовку и достаточно правильное пониманіе и умѣнье обращаться съ греческими текстами различныхъ эпохъ. Сознавая хорошо, что «корректурѣ средне-вѣкового текста въ древне-греческой были бы искусственными анахронизмами», г. Мейеръ, при изданіи своихъ документовъ, старался «по возможности оставлять найденный въ рукописи текстъ такимъ, гдѣ онъ представляется наилучшимъ, по сравненію оныхъ» (S. 270). Но, при самомъ выборѣ текстовъ, онъ, къ сожалѣнію, не всегда былъ строго послѣдователенъ. Для примѣра укажемъ на документъ № 4, содержащій въ себѣ Типиконъ императора Іоанна Цимисхія. Текстъ его г. Мейеръ заимствуетъ изъ Иверской рукописи XVI в. № 754 и изъ рукописи Свято-троицкой келліи близъ Карей 1784 года съ припискою въ концѣ: «ἀντιγραφὲν (Τυπικὸν) ἐκ τοῦ ἰδίου πρωτοτύπου ἀπαρλλάκτως», такъ какъ въ обоихъ этихъ кодексахъ текстъ, по мнѣнію его, равнозначущъ (*ziemlich gleichwerthig*), оставляя въ то же время почти безъ всякаго вниманія «сомнительный» текстъ этого документа въ плохой книжкѣ ¹⁾ «Ἀθωνιάς» (S. 273—274). Иначе совершенно поступаетъ г. Мейеръ по отношенію къ документу № 5, въ которомъ содержится Типиконъ императора Константина Мономаха. Найдя его въ тѣхъ же рукописяхъ и въ той же книжкѣ «Ἀθωνιάς», что и предыдущій документъ, и всюду «съ испорченнымъ языкомъ» хотя и въ одинаковой редакціи, онъ считаетъ заключеніе (ἐπίλογος) въ «Ἀθωνιάς» лучше, чѣмъ въ рукописяхъ, списанныхъ, по его мнѣнію, съ *подлинниковъ*, такъ какъ это заключеніе здѣсь не укорочено. «Der Schluss in der Athonias, пишетъ Мейеръ, ist sogar besser, er ist nicht gekürzt, wie in den Handschriften (S. 274). Издается документъ, однако, по рукописямъ, и разночтенія «Ἀθωνιάς» не попали даже и въ варианты. Въ такомъ родѣ продолжаетъ свою критическую работу надъ текстомъ г. Мейеръ и дальше, при изданіи прочихъ документовъ.

Конечно, можно не соглашаться съ издателемъ въ предпочтеніи одного текста передъ другимъ, спорить о сравнительномъ достоинствѣ

1) Объ этой книжкѣ Мануиль Гедeonъ замѣтилъ: «ἀρχιμματον ἔργον, πλήρες σολοικισμῶν ἀνορθογραφῶν» ('Ο Ἄθως σελ. 69, σημ. 10).

ихъ по языку, а истому завзятому филологу критиковать вкусъ издателя и его филологическую помпезность, но отказать въ серьезномъ отношеніи къ задуманной имъ работѣ—изданія важнѣйшихъ документовъ для исторіи святогорскаго иночества никогда нельзя. Трудъ этотъ добросовѣстный и выполненъ старательно. Если мы сопоставимъ изданіе г. Мейера въ этомъ отношеніи съ изданіемъ нашего почтеннаго «доктора еллинской словесности» покойнаго пр. Порфирія Успенскаго, то всѣ преимущества падаютъ на долю перваго. У нашего историка-филолога въ изданіи документовъ замѣчается поразительная небрежность, отчасти, конечно, извиняемая поспѣшностію, съ какою онъ былъ вынужденъ работать. Пр. Порфирій списываніе документовъ съ рукописей отдавалъ иногда на волю случайныхъ переписчиковъ¹⁾, не заботясь о томъ, чтобы свѣрить потомъ копію съ оригиналомъ. Правда, въ этомъ своемъ излишнемъ довѣрїи онъ иной разъ откровенно каялся²⁾ и сожалѣлъ послѣ, но въ силу этого въ издаваемые имъ весьма важные документы проникли досадливые пропуски, грубые описки, орфографическія ошибки и тому подобныя весьма нежелательныя въ ученыхъ изданіяхъ недочеты. Сопоставляя теперь капитальные труды по изученію святогорскаго иночества нашего почтеннаго историка пр. Порфирія съ разбираемою нами небольшою книжкою г. Мейера, составленною имъ съ меньшимъ въ нѣсколько разъ напряженіемъ энергіи, въ сравнительно короткій срокъ времени, но при обстоятельствахъ неизмѣримо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ когда начиналъ свои ученія разысканія нашъ историкъ, и съ большею тщательностію и осторожностію въ дѣлѣ оцѣнки текстовъ, мы чувствуемъ, что невольно всѣ симпатїи наши склоняются на сторону этой новой книги. И мы вполне увѣрены, что ниодинъ историкъ св. Горы теперь не можетъ игнорировать разбираемаго нами труда Мейера, а за границей, судя по тѣмъ восторженно-сочувственнымъ отзывамъ критики, какими было встрѣчено ея появленіе, книга эта надолго сдѣлается руководящею по данному предмету.

Путемъ внимательнаго изученія документовъ, изданныхъ г. Мейеромъ, а отчасти при помощи сопоставленія ихъ съ подобными документами въ рукописи М. Синодальной библіотеки XV в. № 421, мы замѣтили, что въ нихъ проскользнули нѣкоторыя ошибки и даже неправильности, на которыя считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей. Напр., стр. 131, строк. 18 и 32 г. Мейеръ читаетъ: ἐξάψαλμονъ вм. ἐξάψαλμον; 132, 15 ψάλλομεν δώδεκα вм. ψαλμοὺς δώδεκα 132, 33

1) «Что напечатано здѣсь разгонисто, пишетъ пр. Порфирій Успенскій по поводу текста Типикона императора Юанна Цимисхія, того нѣтъ въ спискѣ Аеоно-Павловскаго монастыря, переписанномъ съ подлинника въ 1784 году. Значитъ всѣ эти слова изгладились въ семь подлинникѣ или не разобралъ ихъ переписчикъ» (Исторія Аеоно ч. III, отд. I, стр. 265, прим. *).

2) «Теперь жалю», пишетъ онъ относительно подписей игуменовъ подъ уставомъ того же императора I. Цимисхія, что я не списалъ дальнѣйшихъ подписей» (тамъ же стр. 275, прим. ~).

и др. Πεντηκοστῆς ВМ. Πεντηκοστῆς; 133,5 μετὰ τὸ προκείμενον¹⁾ εὐθέως τὸ Κύριε ἐκέκραξα ВМ. μετὰ τὸ προοίμιον κ. τ. λ.; 133,14 ἰσοταχῶς ВМ. ἰσοταχῶς; 134,23 ἀπαντῆν ВМ. Ὑπαπαντῆν τοῦ Κυρίου; 133,34 διαφρούσης ВМ. διαφασκούσης; 135,3 ἐν ταύτῃ τῇ τεσσαρακοστῇ ВМ. ἐν ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ; 135,10,12 λιτάς ВМ. λιτῶς; 136,1 εἰ ἐπιμένοιεν τῇ κρίσει ВМ. εἰ ἐπιμένοι ἐν τῇ κρίσει; 136,10 οἱ δὲ μηδ' ἐν τούτοις ВМ. οἱ δὲ μηδὲν τούτοις; 136,32 τῶν παραψίδων ВМ. παροψίδων; 138,3 τὴν ἀκάθιστον ВМ. τὸν ἀκάθιστον; 139,6 τίθεται αὐτοῖς ВМ. τίθεται αὐτοῖς οἶνον; 143,1 καθ' ἐνὸν ВМ. κατὰ τὸ ἐνὸν; 143,13 ἡμῖν ВМ. ὑμῖν, 143,28 πρὸς ἡμᾶς ВМ. πρὸς ὑμᾶς; 143,33 προσμείνοντες ВМ. προσμείνοντας; 145,2 ἐν ᾧ βούλεται ВМ. ἐν ᾧ ἂν βούληται; 145,22 ἐπὶ τῷ συμφέροντι ВМ. ἐπὶ τὰ συμφέροντα; 146,26 συμποσιαζέτων ВМ. συμποσιαζέτωσαν; 148,15 εὐρεθεῖν ἀφίχθαι καὶ βοηθῆσαι тиси ВМ. αἰρεθεῖν ἀφεῖχθαι καὶ βοηθῆσαι тινι; 149,28 τὸν ἐξ ἀρχῆς παρακολουθήσαντα ВМ. τὸν ἐξ ἀρχῆς καὶ ἄνωθεν παρακολουθήσαντα; 150,19 μεγίστης ВМ. μεγάλης; 150,24 Ἀρσένιος ἡγούμενος ВМ. Ἀρσένιος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος; 151,7 Συμεὼν μοναχὸς ВМ. Σέργιος μοναχὸς; 151,9 Νικόλαος ἡγούμενος ВМ. Νικόλαος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος; 152,17 ἐν καλῷ τούτῳ σπόρῳ ВМ. ἐν καλῷ τούτων σπόρῳ; 158,15 ἀμετακίνηται ВМ. ἀμετακίνητοι; 160,1 εὐλαβέστατος Νεόφυτος ВМ. εὐλαβέστατος μοναχὸς Νεόφυτος; 160,29 πρώτου προκαθεζομένου ВМ. πρώτου προκαθεζομένου καὶ συγκαθεζομένου и т. д.

Изъ этихъ отмѣтокъ, по нашему мнѣнiю, ясно видно, во-первыхъ, что г. Мейеръ далеко не всегда умѣлъ выбрать текстъ для издаваемыхъ имъ документовъ лучший въ орографическомъ отношенiи и не всегда достаточно ясно выразумилъ характерныя особенности документа, а во-вторыхъ, что издаваемые въ книгѣ г. Мейера документы едвали вполнѣ близки къ своимъ автографамъ. По нашему мнѣнiю, разбираемая нами книга г. Мейера является нагляднымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ того, что единичная работа въ аѳонскихъ книгохранилищахъ, при ихъ малодоступности, какъ-бы она ни была ведена энергично и старательно, никогда не увѣнчается желательнымъ успѣхомъ—видѣть дѣйствительную историческую правду. Только коллективная совмѣстная работа научно-подготовленныхъ людей, цѣлой ученой экспедици, снабженной всѣми средствами и рекомендацiями, можетъ рассчитывать на то, что передъ ней отворятся завѣтныя двери архива Карейскаго протата и скевофилакiй главнѣйшихъ аѳонскихъ монастырей, какъ хранилищъ важнѣйшихъ документовъ для исторiи святогорскаго иночества. Поэтому нельзя не привѣтствовать уже созрѣвшую мысль нашей Академiи Наукъ снарядить на Аѳонъ съ указанною цѣлью ученую экспедицию изъ лицъ, заявившихъ себя въ литературѣ по изученiю византийской письменности. Желательно было бы, чтобы эта мысль нашла осуществленiе на

1) Г. Мейеръ дѣлаетъ странную поправку этого слова и даже дважды (S. 133 not., 134 not.) въ такомъ видѣ: *προκείμενον oder προοιμακόν*. Какъ будто бы эти слова равнозначущи!

практикѣ, и благое намѣреніе не откладывалось бы въ долгій ящикъ, такъ какъ настоящее время, въ виду мирнаго настроенія умовъ на Аѳонѣ, нужно считать для русской ученой экспедиціи туда самымъ благоприятнымъ. Само собою разумѣется, что этой экспедиціи необходимо запастись и средствами, и всевозможнаго рода рекомендаціями отъ правительствъ духовнаго и свѣтскаго, нашего русскаго и константинопольскаго.

А. Дмитріевскій.

Іеромонахъ Іоаннъ. *Обрядникъ Византійскаго двора (de ceremoniis aulae Byzantinae), какъ церковно-археологическій источникъ.* Москва, 1895. II + 198.

Въ числѣ придворныхъ византійскихъ обрядовъ весьма видное мѣсто занимали выходы въ храмы, крестные ходы, разныя молебствія и другія богослужебныя дѣйствія, такъ какъ свѣтская жизнь была тогда тѣснѣе связана съ религіозной и несравненно болѣе наполнялась богослужебными дѣйствіями, чѣмъ въ наше время у людей высшаго класса.

Этотъ религіозный характеръ средневѣковой жизни со всею полнотою, какъ въ зеркалѣ, отразился на Придворномъ уставѣ, или Обрядникѣ, дошедшемъ до насъ подъ именемъ Константина Багрянороднаго. Какъ извѣстно, первое мѣсто въ немъ занимаетъ сборникъ богомольныхъ выходовъ въ храмы и составляетъ значительную часть I книги. Другіе отдѣлы Придворнаго устава частью заключаютъ въ себѣ также описаніе богомольныхъ выходовъ, не вошедшихъ въ составъ стараго сборника, помѣщеннаго въ началѣ первой книги, частію переплетены и переполнены изложеніемъ разныхъ богослужебныхъ обрядовъ и молебствій и указаніями на нихъ, такъ какъ почти каждое значительное событіе въ жизни царей и сановниковъ освящалось религіознымъ актомъ благодаренія и моленія, выражавшемся въ богослужебномъ дѣйствіи. Потому Придворный уставъ заключаетъ въ себѣ массу матеріала, очень древняго и драгоцѣннаго, не только для свѣтской жизни византійскаго двора, но и для церковной и богослужебной жизни того времени и представляетъ собою богатый складъ данныхъ для церковной археологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Несмотря на обиліе церковно-археологическаго матеріала въ Придворныхъ обрядахъ Константина Багрянороднаго, несмотря на его древность и важность, этими данными пользовались рѣдко и мало, особенно у насъ, хотя для насъ эти матеріалы представляютъ наибольшую цѣнность. Только одинъ литургистъ, покойный профессоръ московской духовной академіи Мансветовъ, воспользовался литургическими данными Придворнаго устава для церковнаго устава константинопольскихъ церквей и, за неизвѣстностію тогда другихъ литургическихъ памятниковъ, нашелъ въ Придворномъ уставѣ самыя древнія извѣстія о ходѣ церковныхъ службъ въ Константинополѣ. Другіе наши ученые пользовались